

Современная
психотерапия

Урсула Виртц

УБИЙСТВО ДУШИ

Инцест и терапия

COGITO
CENTRE
NT

Современная психотерапия (Когито-Центр)

Урсула Виртц

Убийство души. Инцест и терапия

«Когито-Центр»

2005

Виртц У.

Убийство души. Инцест и терапия / У. Виртц — «Когито-Центр»,
2005 — (Современная психотерапия (Когито-Центр))

Автор исследует различные возможности терапии людей, переживших инцест, и ставит острый вопрос, почему столь часто жертвы инцеста снова оказываются в условиях эксплуатации со стороны их психотерапевтов. В психотерапии жертв инцеста речь идет о поиске омертвевшей души и истинного Я. Урсула Виртц показывает, каким образом женщины, которыми злоупотребляют, могут найти выход из состояния душевного оцепенения и заново интегрировать свои чувства и тело. Она затрагивает духовную составляющую этой темы, задаваясь вопросом о смысле и о возможности процесса восстановления после такой тяжелой травмы.

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
I. В колее инцеста	10
1. Инцест и убийство души	10
2. Тема инцеста у Фрейда и Юнга	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Урсула Виртц

Убийство души: Инцест и терапия

* * *

© Ursula Wirtz, 2005
© Когито-Центр, 2014

Благодарности

Многие женщины внесли свой вклад в написание этой книги. Я хочу поблагодарить тех, кто был со мной в терапии, и тех, кто участвовал в опросах. Женщины из групп самопомощи отвечали на анкеты и неоднократно давали мне ценную обратную связь после моих лекций и докладов. Это сотрудничество оказалось очень плодотворным для углубления темы и всегда поддерживало меня в трудную минуту сомнений.

Я очень многое узнала из американской профессиональной литературы, многому научилась у своих коллег, работающих в терапевтических центрах, которые я посетила в США. Я благодарю Марию-Франс Минтон из Центра по работе с последствиями сексуального насилия в Харбор-вью, Сиэтл, Вашингтон, которая нашла время вникнуть в мою работу и снабдила меня множеством текстов и брошюр по этой теме. Я благодарна Кэрол Бриант, директора Совета по профилактике насилия над детьми в графстве Контра Коста, Калифорния, неопубликованная диссертация которой существенно расширила мое понимание проблемы инцеста. Также я очень благодарна Джудит Л. Герман, которая работает в госпитале Кембридж-сити, Массачусетс, за то, что она поделилась со мной результатами новейших в то время исследований по злоупотреблениям детьми и по пограничным личностным расстройствам.

Также я хочу выразить благодарность женщинам из Кембриджского женского центра, которые информировали меня об особенностях модели консультирования и просвещения, разработанной консультационным пунктом «Инцест-ресурсы», которую мы немедленно стали применять в Цюрихе. Я благодарю Элен Вестерлунд, сотрудника этой организации, которая поддержала меня при написании книги, предоставив данные своей диссертации по теме инцеста и сексуальности.

Я благодарна женщинам из организации «Пэрентс Юнайтед Чаптер», графство Монмут, Нью-Джерси, за то, что они позволили мне присутствовать на совещании сотрудников и на групповой психотерапевтической встрече преступников, так что я смогла составить реалистичное представление о трудностях терапевтической работы с преступниками.

От всего сердца я говорю «спасибо» моим подругам Герде, Барбаре и Гизеле, с которыми я много раз обсуждала свои идеи, и Элси Амман, чей тихий дом на Луганском озере вдохновлял меня, и я написала там часть рукописи.

Я хочу выразить особую благодарность своему спутнику жизни, Йоргу Цобели, любящее присутствие которого помогало мне справиться с трудными и сильными чувствами, возникавшими у меня в связи с работой над темой инцеста. Он помогал мне помнить о жизни и любви. Его готовность критически отнестись к этому тексту и идеям очень поддерживала меня.

Предисловие

Много лет минуло с той пасхальной пятницы 1989 г., когда я писала предисловие к этой книге, ставшей учебником по терапевтической работе и источником надежды для пострадавших.

Тема сексуального насилия в контексте семьи и общества сегодня актуальна как никогда. Массовые изнасилования на войне как ритуалы завоевания и инструмент утверждения господства над побежденными людьми больше не являются запретной темой для обсуждения. И все же, несмотря на освещенность в средствах массовой информации этой темы, многие профессионалы испытывают очень большие трудности при работе с травмированными людьми.

Потребность в психотерапии и консультировании с учетом специфики травмы заметно увеличилась в последние десять лет. Психотравматология давно стала отдельной областью исследований, появилось множество публикаций, научных профессиональных сообществ. Существует высокий спрос на обучение и повышение квалификации специалистов в области травматологии.

В этой книге представлен терапевтический подход, который за многие годы моей практики хорошо себя зарекомендовал и был дополнен в ходе работы с травматическими переживаниями, а также рассмотрен в контексте темы войны и пыток. Мой взгляд на терапию травмы связан с целостным образом человека и мира, поскольку человек является не только биопсихосоциальным существом. Я учитываю влияние духовного измерения человеческого бытия. Одностороннее видение травмы как дефицита я дополняю перспективой, направленной в будущее, а также описываю потенциал травматического опыта, изменяющий сознание человека. В ходе многолетних исследований этой темы мне стало ясно, что при травматическом потрясении могут одновременно конstellироваться все те аспекты одухотворенного мировоззрения, которые в обычной жизни мы учимся понимать очень медленно.

Также небыстро все происходит и при терапевтическом сопровождении: сначала речь всегда идет о стабилизации, преодолении дистресса, создании чувства безопасности и доверия как основы для совместной работы. Для этого имеются много ресурс-ориентированных методов, усиливающих чувство защищенности и мышечное расслабление, успокаивающих дыхание и имажинативно отдаляющих человека от травмировавшего события.

Вторая фаза терапии состоит, прежде всего, в сознательных встречах с многократными воспоминаниями о травме. Пока правда о прошлых травмах вытеснена и отрицается, настоящее не может быть прожито, а будущее спланировано, поэтому особое внимание в научных исследованиях травмы уделяется теме воспоминаний. Исследования мозга показали, как и где сохраняется травматический опыт, как возникают и происходят пугающие вторжения воспоминаний о травме – «флэшбэки», какую роль играют триггеры, моментально оживляющие и запускающие заново травмирующие ситуации. Были разработаны холистические методы, нацеленные на воссоединение фрагментов воспоминаний, на ослабление процессов расщепления и защитного поведения. Лишь в конце 1990-х годов в немецкоязычных странах стали проводить научные исследования диссоциации в диапазоне от отщепления психических функций, например способности помнить, до полного отсоединения сознания от ощущения личностной идентичности. Уже неоднократно переживания сексуально эксплуатируемых женщин были впечатляюще описаны как опыт бытия «множественной» личности, но научное обсуждение диссоциативного расстройства идентичности как процесса саморегуляции при травматическом опыте является относительно новым. Кроме того, с целью предотвращения ретравматизации после ошибочных интервенций терапевтов были разработаны техники терапевтической работы с разнообразными диссоциативными состояниями сексуально эксплуатируемых людей.

В третьей фазе терапии речь идет о размышлении над новой, осмысленной жизнью, об обнаружении творческих возможностей в своей жизни, об изменении мировоззрения и углублении его духовного аспекта. В работу на этом этапе терапии исследования травмы также внесли существенный вклад наблюдения за процессами, восстанавливающими здоровье и «эластичность» личности, а исследования посттравматического роста (PTG, *posttraumatic growth*) обогатили наши знания об адаптационных способностях человека и о том, что именно в нашем искусстве жить и в житейской мудрости досталось нам в наследство.

Важным аспектом моей работы в качестве юнгианского аналитика является амплификация старых как мир человеческих тем жизни и смерти, разрушения и созидания, разделения и воссоединения. Я попыталась определить архетипические паттерны, с помощью которых символические системы человечества образно выражали эти древние проблемы жизни и смерти, разрушения и исцеления. Мои представления о терапии травмы сотканы не только из «нитей» мифа и сказки, мистики и алхимии, исследований мозга и нейробиологии, но и из опыта буддистских инсайтов.

Травмированным людям нужна перспектива, знание того, что нечто имеет смысл, что хорошее может быть восстановлено, как учат нас мудрые сказки, мифы и духовные традиции. Преображающая сила символического образа, художественное самовыражение, регуляция самоуважения, знание того, что образ проникает глубже слова и что формирование образа означает коммуникативный прорыв, привело меня ко все более широкому применению в терапии травмы методов рецептивной арт-терапии. Картины Иеронима Босха, Гойи, Пикассо, Базелица, Мунка, Кати Кольвиц, Луизы Буржуа и Фриды Кало очень помогают в процессе символической переработки расчленения, раздробленности, насилия и психического фрагментирования.

Терапия травмы – вызов моей собственной терапевтической креативности. Вместе с моими пациентками и пациентами я училась работе с образами, при которой сила фантазии проникает в будущее, а в художественном самовыражении, игре и «сновидениях наяву» проявляются жизнеутверждающие внутренние ценности. Мы вместе развивали символическую установку сознания, которая в ходе поиска смысла и своей системы ценностей открывала доступ к бессознательным творческим возможностям развития, а также поддерживала процесс становления сознания.

Терапия травмы – это длительный процесс восстановления творческих возможностей после полного разрушения способности символизировать, когда человек снова может жить, «со-образуясь» с этим миром и своим отношением к нему.

Терапия травмы – это путь из ада, переписывание собственной истории, в которой больше нет ничего из того, что было до нее. Если мы поощряем наших пациенток рассказывать свою историю, чтобы выстроить осмысленное повествование о своей биографии, то терапия травмы становится заботой и сопровождением на пути обратно в жизнь. Тогда может быть преодолен ригидный и закрытый внутренний мир травмы и возвращена открытость психической системы. Терапия травмы способствует возвращению в жизнь изменчивого диалектического процесса «Умри и стань!».

В этой работе меня ориентировало высказывание Юнга: «Эффект, которого я хочу достичь, – это создание такого душевного состояния, при котором мой пациент начинает экспериментировать со своим характером, когда больше нет ничего данного навеки, нет прежнего безнадежного окаменения, то есть создание состояния текучести, изменчивости и становления» (GW 16, par. 99).

И теперь, 16 лет спустя после первой публикации этой книги, я остаюсь верна фундаментальной идее «Умри и стань!».

Урсула Виртц
Май 2005 г.

І. В колее инцеста

За каждой правдой следует скандал.
Маргерит Юрсенар

1. Инцест и убийство души

От права первой ночи к серийному преступлению

Тема инцеста больше не является табу. Если мы окинем взглядом прессу, то повсюду столкнемся с заголовками типа: «Злоупотребление детьми – отцы-преступники», «Кровосмешение», «Семья – место преступления», «Инцест – абсурдное преступление идиота». Молчание о «тайном злодеянии» инцеста отменяется. Наконец-то мы стали обращать внимание на предательски используемых, эксплуатируемых детей.

В Швейцарии Алиса Миллер была первой среди тех, кто стал «адвокатом» эксплуатируемых детей. На международном уровне в 1985 г. в Берне конгресс ВОЗ «Дети, которых бьют и насилуют» был посвящен проблеме сексуального насилия над детьми. В 1987 и 1988 гг. в Цюрихе прошли международные конференции, посвященные инцесту и его последствиям. Эта тема звучала и на швейцарском политическом уровне. В 1987 г. госсоветник Джудит Штамм и более чем 60 депутатов Федерального собрания поручили исследовать и доложить в парламенте текущую ситуацию в Швейцарии по видам, количеству и причинам преступлений против детей. В настоящее время в Цюрихе разрабатывается проект консультационного центра по проблемам сексуального насилия над детьми.

В 1988 г. в Австрии по поручению Федерального министерства по делам семьи, молодежи и защиты прав потребителей была издана брошюра по противостоянию сексуальному насилию в отношении детей. Ранее, в 1983 г., в Инсбруке было основано Общество против жестокого обращения с детьми.

В Германии прежде всего необходимо отметить работу группы «Бурный поток», которая в 1983 г. впервые обратилась к публике с целью довести до ее сведения ситуацию с сексуальным насилием над детьми. «Бурный поток» является консультативно-информационной организацией, при которой работают группы самопомощи в 30 городах ФРГ.

Рассматривая инцест в рамках сексуального насилия над детьми, необходимо помнить, что инцест является формой жестокого обращения. Снятие табу с темы сексуального насилия в семье сделало эту тему модной в СМИ, но еще много вопросов остаются открытыми. Что такое инцест? Инцест – это кровосмешение или изнасилование? Является ли инцестом сексуальная эксплуатация, осуществляемая врачом, учителем и психотерапевтом?

Для понимания этого термина полезно обратить внимание на происхождение самого слова. Слово «инцест» происходит от латинского *castus* (чистый, непорочный) и *incestus* (нечистый, порочный, недостойный). Глагол *incestare* имеет значение «запятнать, загрязнять, насилловать». Латинское значение слова фокусируется вокруг морального нарушения в значении «опорочить», вокруг чего-то неприличного. Это создает впечатление, что инцест – это нечто грязное.

Словарь немецкого языка¹ объясняет инцест через понятие кровосмешения, то есть это «половые отношения между кровными родственниками, между родственниками супругов по восходящей и нисходящей линии, между братьями и сестрами». В этом определении акцент сделан на том, что имеет значение в юридической практике, то есть зачатие детей кровными родственниками является тяжким преступлением. Всем нам известно, что в нашей культуре факт кровного родства делает половую любовь кровосмешением. Идея насилия или сексуальной эксплуатации в этом определении не подразумевается, оно указывает лишь на нарушение общепринятого табу на инцест.

Еще один аспект немецкого слова «кровосмешение» – «стыд» указывает на чувства, присутствующие во внутреннем переживании жертв инцеста. Со словом «стыд» соотносятся слова «позорить», «запятнать», «портить», «осквернять». В индоевропейских языках слово «позор» связано со словами «стыдиться», «скрывать», «прятать».

Этими словами описывают чувства людей, которые подверглись сексуальному насилию. Они указывают, что жертвам должно быть стыдно за то, что они пережили инцест, то есть нечто предосудительное, бесчестное, оскорбляющее, позорное. Таким образом, с инцестом связаны стыд и позор, молчание и утаивание, нечистота и запятнанность, вина и изоляция.

По-моему, слово «кровосмешение» подходит только для характеристики эмоционального содержания ситуации. Однако оно не описывает то, в чем, по сути, заключается проблема инцеста. Уже во времена французской революции появляются определения преступления кровосмешения в связи с «ограничением свободы и жестоким обращением с человеком». Например, в баварском уголовном кодексе 1813 г. понятие «инцест» означает, что родители и другие кровные родственники, «которые переспали со своими детьми или другими отпрысками или использовали их ради своего сладострастия... будут лишены всех общественных чинов и должностей, а также родительских прав... и, более того, будут наказаны каторгой от двух до шести лет...». Надо подчеркнуть, что неправильно и лицемерно говорить о сексуальном насилии со стороны родителей, ведь подавляющее большинство таких преступников – мужчины.

Кроме того, подлежали наказанию также мачехи и отчимы, опекуны, учителя и воспитатели, которые «сексуально злоупотребляли» теми, кто находится в их власти. Этот подлинно прогрессивный подход, однако, не был принят как закон в прусском уголовном кодексе, основном для современного германского законодательства².

Сегодня против общепринятого понимания инцеста и кровосмешения говорит то, что в нем сделан акцент на безнравственности и сексуальности, а не на очевидном злоупотреблении властью, на манипулировании и использовании зависимого положения жертвы.

В этой книге речь не идет о сексуальном контакте между взрослыми кровными родственниками – членами нуклеарной семьи. Я пишу об инцесте как о сексуализированном насилии, о ритуале «контроля и подчинения». Инцест – это злоупотребление в отношениях с теми, кто зависим, а не в кровных отношениях, и в этом смысле он является видом изощренного насилия и истязания детей. В литературе на эту тему укоренился термин «сексуальное злоупотребление», вроде бы верный, но «злоупотребление» в разговорном языке неявно подразумевает, что существует некое «законное» использование детей или женщин. Более однозначным является термин «сексуальная эксплуатация», указывающий на властный компонент и на сопутствующее ему подавление. В этой книге я использую оба термина как синонимы.

Важно иметь в виду, что тема инцеста имеет политический аспект, так как в центре внимания оказывается разоблачение структур общества, которые санкционируют и поддерживают

¹ Wahrig G. Das Große Deutsche Wörterbuch. Gütersloh, 1966.

² Ср. выводы, сделанные авторами исследования: Hartwig L., Kuhlmann C. Sexueller Missbrauch an Töchtern – der verschwiegene Aspekt der Gewalt in der Familie // Neue Praxis. 1987. 5.

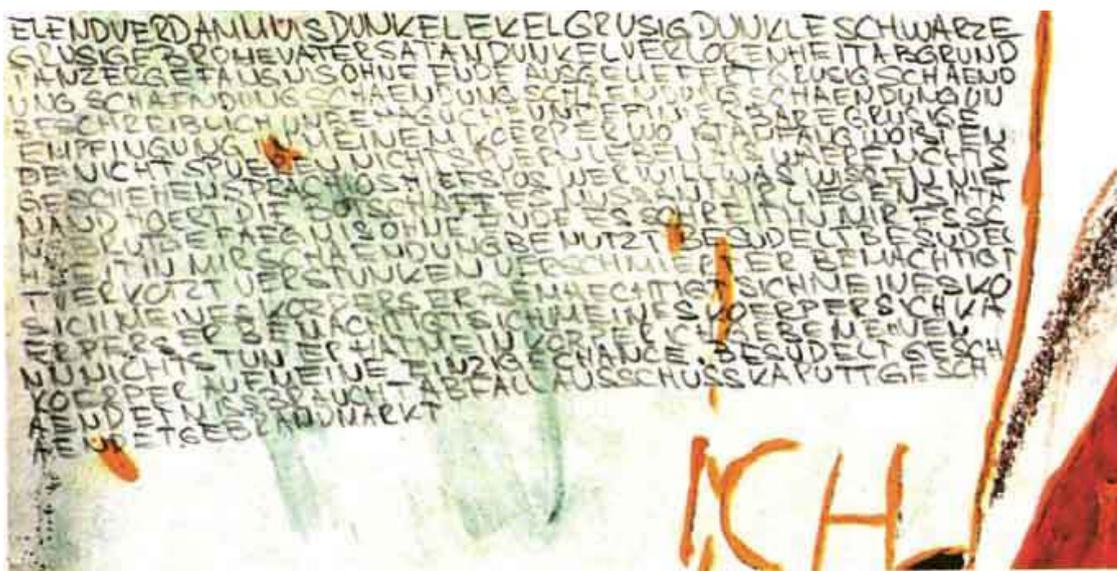
сексуальную эксплуатацию. Речь идет о неравных отношениях «сильных» и «слабых» мира сего, о позиции силы и механизмах подчинения и подавления.

Многочисленные определения инцеста различаются в зависимости от подхода исследователей. Здесь я хотела бы привести несколько примеров:

В 1962 г. американским педиатром Кемпе был описан синдром «побитого ребенка» и дано определение сексуального насилия как вовлечения в действия сексуального характера зависимых, еще не зрелых в своем развитии детей и подростков, которые еще не способны полностью понимать, с чем они имеют дело, и не могут дать сознательное согласие на это или не могут нарушить социальные и семейные ролевые предписания.

В соответствии с этим определением легальность таких «отношений» зависит от согласия обоих партнеров. Однако фундаментальная асимметрия отношений детей и взрослых означает, что ребенок не может быть согласен ни на какие сексуальные отношения со взрослыми³.

³ Ср. обсуждение «информированного согласия»: *Finkelhor D. Child Sexual Abuse. New Theory and Research. New York, 1984.*

Нищета, проклятие, тьма, мельтешение, черная кишащая жижа, отец, сатана, тьма, потерянность, пропасть, танк, бесконечная тюрьма, осквернение, осквернение, неопишное, невыразимое ощущение мельтешения в моем теле. Где начало, где конец, ничего не чувствовать, жить, как будто ничего не произошло, безмолвно, беспомощно. Кто захочет это знать, никто не слышит сообщение. Он должен на меня лечь, исчадь сатаны, во мне вопит осквернение, использована, оболгана, обгажена, пропитана вонью, размазана. Он завладеет моим телом. Я ничего не могу сделать, он владеет моим телом, я отдаю мое тело, мой единственный шанс, оболганное, оскверненное, изнасилованное. Отходы, отбросы, разрушено, опорожено, выхолощено.

В США Национальный центр по противодействию жестокому обращению с детьми определяет инцест как «внутрисемейное сексуальное насилие над ребенком, совершаемое членом его семьи. Инцест включает не только половой акт, но и любое действие, связанное с намерением сексуально стимулировать ребенка или использовать ребенка для сексуального возбуждения самого преступника или других лиц». Это определение может вызвать возражение: оно как бы укрывает виновного, создавая впечатление, что любой член семьи предрасположен к сексуальной эксплуатации.

Сюзанна Сгрой расширяет определение инцеста, делая акцент на очень важном аспекте замалчивания.

«Сексуальная эксплуатация детей взрослыми или более старшими подростками – это сексуальное поведение взрослого по отношению к ребенку, который из-за своего эмоционального и интеллектуального развития не в состоянии понимать информацию об этом и свободно согласиться на это. При этом взрослый использует неравные отношения между взрослыми и детьми, а также свою власть, чтобы убедить и принудить ребенка к соучастию. При этом очень важно то, что взрослый обязывает ребенка хранить тайну, что обрекает ребенка на безмолвие, незащитность и беспомощность»⁴.

Инцест как изнасилование

В своей книге «Инцест отцов и дочерей» Джудит Герман резко и с явно феминистской точки зрения называет внутрисемейный инцест изнасилованием, так как это принудительные сексуальные отношения даже при отсутствии физического насилия⁵. Другие феминистские авторы – Сюзен Браунмиллер и Эмма Вард⁶ – вообще протестуют против слова «инцест» и выступают за использование выражения «изнасилование дочери отцом», потому что только оно адекватно отражает всю серьезность ситуации.

Еще одна причина, по которой продолжается поиск понятия, альтернативного слову «инцест», – то, что мы привыкли одновременно думать и про инцест, и про табу на инцест, и у нас возникает представление, что речь идет о довольно редком поведении.

С нефеминистской позиции подчеркивалось, что общий термин «изнасилование» не охватывает любые инцестуозные действия и что отличие изнасилования от инцеста якобы размывается и остается неясным. Инцест, скорее, относят к действиям, повторяющимся в течение длительного времени. Кроме того, сексуальные инцестуозные посягательства нередко изменчивы; как правило, они явные и насильственные, но поначалу могут быть замаскированы нежностью или разговорами о сексуальной инициации. Нередко будто бы отсутствует момент принуждения или физической угрозы, что в случае изнасилования является основным. Последний аргумент не выдерживает никакой критики, так как взрослый всегда может со своей позиции силы подчинить своей воле ребенка, даже без применения физической силы. Напротив, из рассказов пострадавших хорошо известно, как часто физическое насилие и угрозы играют свою роль.

Если же в целом мы понимаем под изнасилованием нападение на тело и душу женщины или девушки, которое сопровождается демонстрацией силы, то инцест может быть понят как изнасилование. Это сравнение также подтверждается тем, что мифы об изнасилованиях поразительным образом совпадают с мифами об инцесте. Во-первых, необходимо расстаться с ложной идеей о том, что изнасилование – это, в первую очередь, половой акт. Инцест мотивирован не сексуально, а прежде всего стремлением подчинить. Также распространено представление,

⁴ Sgroi S. M. (Ed.). Handbook of Clinical Intervention in Child Sexual Abuse. Lexington, 1982.

⁵ Herman J. Father – Daughter Incest. Harvard, 1981. P. 27.

⁶ Brownmiller S. Gegen unseren Willen. Frankfurt, 1980; Ward E. Father – Daughter Rape. London, 1984.

что женщины бессознательно провоцируют изнасилование, потому что ходят ночью в вызывающей одежде в безлюдных местах или как-то иначе ведут себя явно соблазнительным образом. Мы сразу же вспоминаем расхожее мнение, что юная Лолита сама соблазняет своего отца на инцест.

С этим тесно связано и представление, что в глубине души женщина хочет быть изнасилованной, потому что мужчины активно настаивают на том, что только ту женщину действительно изнасиловывают, которая к этому готова. Также при инцесте приводят такой аргумент, что девушка не защищалась до конца.

К мифотворчеству в отношении изнасилования также относится идея, что женщин насиловуют только посторонние мужчины.

Конечно, детей предупреждают не брать конфет у злого чужака, который может их схватить и утащить в кусты. Но реальность такова, что дети особенно уязвимы перед знакомыми мужчинами – членами семьи, соседями и друзьями отца.

К сожалению, все еще очень популярен миф, что женщины выдумывают истории об изнасиловании, чтобы отомстить мужчинам. Подобным образом подвергаются сомнению достоверность сообщений девочек, которые осмеливаются говорить о сексуальном насилии в семье.

Мне кажется особенно важным, чтобы вы – те, кто имеет дело с темой инцеста – задались вопросом, насколько сильно вы сами подвержены влиянию этих мифов. В противном случае бывает так, что вы бессознательно захвачены мифами, а ваши клиенты остаются с чувством своей вины, так как не возникает вашей подлинной эмпатии и настоящего понимания.

В своем эссе о социально-педагогических теориях Луиза Хартвиг и Карола Кульман определяют сексуальное насилие в соответствии с первой немецкой книгой по этой теме («Отцы как преступники»). Инцест – это «состояние, в котором мужчины полностью распоряжаются девушками и принижают их до уровня сексуального объекта/предмета, вместо того чтобы видеть в ней человека, интересного и важного... Насилием становится любое посягательство на девушку, независимо от того, идет ли речь о тайных и осторожных прикосновениях, которые она должна позволить или сама сделать, о принудительном оральном сексе или об изнасиловании»⁷.

В заключение я хотела бы упомянуть еще одно очень конкретное определение инцеста, сформулированное женским терапевтом Евой Хильдебранд:

«Инцест происходит, когда доминирующий член семьи пытается через сексуализацию удовлетворить какую-то свою потребность (например, стремление к власти, потребность в физическом контакте, в признании) за счет других членов семьи, находящихся в более уязвимом положении. Сексуализацией здесь может быть все, что угодно – начиная с ласки, поцелуя, повторяющихся словесных замечаний о груди или других частях тела вплоть до орального, анального или генитального полового акта и мастурбации с жертвой или в ее присутствии»⁸.

Я надеюсь, что из этих определений уже стало совершенно ясно, что инцест связан с предательством, с обманом доверия со стороны людей, от которых ребенок наиболее сильно эмоционально зависит. Там, где ребенок по праву ожидает получить тепло, заботу и защиту, его эксплуатируют. Это означает, что насилие в семье и в ее ближайшем окружении (друзья, сожители, соседи) – травмирует жертву особенно тяжело.

⁷ Hartwig, Kuhlmann. S. 442.

⁸ Hildebrand E. Therapie erwachsener weiblicher Inzestopfer // L. Backe (Hrsg.). Sexueller Missbrauch von Kindern in Familien. Köln, 1986.

Инцест – убийство души

После обсуждения различных вариантов и попыток дать определение инцесту я хочу подчеркнуть одно из них, которое меня особенно затронуло, так как оно более глубокое и попадает в самую сердцевину переживания инцеста. Я имею в виду выражение «убийство души». Оно тут же заставляет нас думать о тяжком преступлении и, как показывает Шенгольд в своем выдающемся эссе на эту тему⁹, содержит в себе и аспект морального протеста. Убийство души имеет дело с бесчеловечностью, с уничтожением того, что является сутью человека, с посягательством на человеческое достоинство и личную идентичность. Мы обнаруживаем выражение «убийство души», когда говорят о Холокосте. Убийство души такого рода я рассматриваю в отдельной главе этой книги. Убийство души всегда связано с властью, с желанием уничтожить и разрушить личность.

Я столкнулась с «убийством души» в начале моих исследований того, какое значение имеет отец для психического развития ребенка, и стала лучше понимать случай Шребера. Пауль Даниэль Шребер – часто упоминаемый классический случай паранойи. Его отец был педагогом, который превратил изоцированную систему образования в совершенную систему подавления и опробовал ее на своем сыне. Ее целью было абсолютное послушание отцу, средством достижения этой цели – подавление и запугивание. В своих записях психологический эффект этих авторитарных и репрессивных воспитательных мер сын назвал «убийством души». Однако сын был не в состоянии обнаружить связь между своим отцом и тем человеком, на чьей совести было это убийство его души; скорее, он подозревает врача или даже Бога, что они совершили это преступление. В своей весьма неоднозначной книге «Страх перед отцом» Мортон Шатцман делает замечание, которое тут же заставило меня подумать об инцесте.

«Если бы он отодвинул еще одну завесу в сторону, то смог бы, я думаю, догадаться, что его отец – главный зачинщик происходящего. Если бы он это сделал, то он бы меньше подвергался той опасности, что его объявят умалишенным... Видимо, признаком убийства души является то, что жертве запрещено знать, кто на самом деле ее убивает»¹⁰.

В своей работе с женщинами, которые в детстве были сексуально изнасилованы отцом, я часто сталкивалась с тем, что так называемые сумасшедшие, которых ранее объявляли «истеричными», а сегодня у них диагностируют «пограничный синдром», доведены до такого состояния травмой насилия, убийством души. Раньше говорили о плохом прогнозе в таких случаях, что было связано, прежде всего, с тем, что убийство души не распознавали, и поэтому оно не поддавалось терапии. Точно так же как Шребер, женщины не могли идентифицировать, что преступники – их отцы. Об этой проблеме я подробнее расскажу ниже.

Увязывая инцест с убийством души, я хочу сказать, что такое тотальное нападение на человечность приводит к тому, что ребенок больше не может думать и чувствовать, как другие дети, все его поведение приобретает иной оттенок. Его идентичность нарушена в самой ее сердцевине, и в том числе его сексуальная идентичность. И тогда становится намного понятнее то, что многие взрослые женщины не прощают своих мучителей. Они исходят из того, что невозможно простить человека, который умертвил их душу и украл всякую надежду на жизнь и любовь.

В этой книге я рассматриваю инцест, в первую очередь обращая внимание на убийства души внутри семьи, особенно на сексуальную эксплуатацию дочери отцом или отчимом. Этот вид инцеста лучше всего задокументирован в исследованиях и чаще всего встречался в моей

⁹ Shengold L. Child Abuse and Deprivation. Soul Murder // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1979. 27. P. 533–559.

¹⁰ Schatzman M. Die Angst vor dem Vater. Reinbek, 1978. S. 39.

практике. Конечно, существует также инцест матери и сына, но количественно и качественно он иной. Поразительно то, что сексуально изнасилованные юноши позже становятся мужчинами, которые сами насилуют, в то время как сексуально изнасилованные женщины выбирают мужчин, которые снова насилуют их. Они остаются жертвами, в то время как юноши становятся преступниками.

В ходе моих научных исследований в США у меня также была возможность встретиться лицом к лицу с темой изнасилования мальчиков мужчинами. В основном мальчиков сексуально эксплуатировали люди, не входящие в их ближайшее социальное окружение.

Кроме того, я буду говорить об инцесте в широком смысле слова, когда злоупотребление происходит в условиях зависимых и доверительных отношений жертвы с преступником. Речь идет о нянях, воспитателях, учителях, священниках, врачах и, в первую очередь, о психотерапевтах. Сексуальное насилие в психотерапии является темой, пока совершенно запретной для обсуждения и требующей большой прозрачности.

Даты и факты

Исследования темы инцеста часто критикуют из-за методологических недостатков и неполной статистической достоверности. Считается, что они похожи на тест Роршаха и больше сообщают о личной предвзятости исследователей, чем о предмете исследования. Но я считаю важным знать некоторые статистические данные. Приведу цифры, которые принимаются большинством исследователей как достоверные.

Частота сексуальной эксплуатации детей

Швейцария:

40000–45000 детей ежегодно (данные Агентства информации о детях – kinag)

В 1986 г. уголовных дел по насильственным действиям сексуального характера в отношении детей – 1603.

В 1986 г. осуждено 399 чел., из них в 385 случаях преступник – мужчина.

Специальной статистики по инцестам не существует.

Австрия:

10000–25000 детей ежегодно.

Германия:

По данным полицейской криминальной статистики (1986), 92 % сексуально эксплуатируемых детей находятся в возрасте от 6 до 14 лет, 8 % – в возрасте от 0 до 6 лет.

Около 300000 изнасилованных детей в год. Оценки числа незарегистрированных преступлений варьируются: Федеральная криминальная полиция – 1:15; Баурманн – 1:18; Кавеманн и Лостетер – 1:20.

На одного эксплуатируемого мальчика приходится десять изнасилованных девочек. В статьях (Эмма, 1985) утверждается, что каждая четвертая или даже каждая вторая женщина хотя бы однажды сталкивалась в своей жизни с сексуальной эксплуатацией.

Преступники. По информации германского федерального правительства, в 93 % случаев преступник знаком ребенку. Две трети преступников относятся к семейному кругу или ближайшему окружению семьи. Соотношение мужчин-преступников и женщин-преступниц 9:1.

Обнаруживается только каждый 18–20-й случай эксплуатации. Лишь каждый пятый из зарегистрированных случаев действительно доведен до суда.

Англия:

Из десяти детей один является жертвой сексуального насилия.

Нидерланды:

5–15 % девочек,

1 % мальчиков.

Австралия:

Каждая третья девочка в возрасте до 16 лет.

Каждый девятый мальчик в этой возрастной группе.

США:

Каждая четвертая взрослая женщина в детстве страдала от сексуального насилия.

3–9 % всех взрослых мужчин.

Средний возраст эксплуатируемых детей: 7–11 лет.

Продолжительность преступления (повторные инцесты): 3–5 лет.

Жертвы и преступники

Видимо, имеет смысл пояснить понятия «преступник» и «жертва». Эти термины снова и снова используют в литературе, чтобы совершенно определенно указать на чью-либо ответственность за сексуальную эксплуатацию. В женском движении это словосочетание недолюбивают, так как оно указывает на идеологически значимый образ женщины-жертвы. Пассивность и роль жертвы и без этого уже крепко въелись в общественное сознание, поэтому лучше избегать их упоминания в связи с инцестом. К тому же это затрудняет сопротивление эксплуатации и освобождение от роли жертвы. Верно подмечает Дж. Герман: «Инцест относится к преступлениям, за которые взрослый несет всю полноту ответственности. Ярлыки „преступник“ и „жертва“ точно отражают ситуацию, даже если многие защищаются от этого. Применение этих понятий не означает, что сложные человеческие существа низводятся просто до категорий. Мужчина, который сексуально эксплуатирует свою дочь, – это больше, чем просто преступник; идентичность женщины, имеющей сексуальные отношения со своим отцом, складывается не только из роли жертвы»¹¹.

В Голландии женщины в «Ассоциации против сексуальной эксплуатации детей» отвергают термин «жертва», потому что в ходе общественной работы с организациями обнаружили, что очень быстрое приписывание статуса жертвы позволяет лучше манипулировать ею¹².

Совсем другая критика схемы «преступник – жертва» исходит из семейно-динамического «лагеря». Там считают, что такое простое соотношение не подходит для описания комплексных внутрисемейных отношений, так как каждый член семьи вносит свой противоречивый вклад в динамику инцеста – отец, мать, братья, сестры и сама жертва. Семья представляет собой нечто подобное «коллаборативному единству», чьи эмоциональные дефициты лучше описывает модель «взаимодействия жертвы с жертвой»¹³.

В англоязычной литературе распространен термин «выживший» (survivor), потому что в нем отражен активный компонент. Вместо пассивного «терпеть» «выживание» отражает силу Эго. Но немецкий перевод этого выражения – «переживший инцест» – очень неловкий. «Пережить/выжить» создает образ – не такой активный, как английское «to survive», немецкое «überleben» больше ассоциируется с «еще раз-удалось-выбраться-из-этого», с «тем-что-

¹¹ Herman. P. 4.

¹² Rijnaarts. Lots Töchter. Düsseldorf, 1988. S. 23.

¹³ Ср. обсуждение этой идеи в: Hirsch M. Realer Inzest: Psychodynamik des sexuellen Missbrauchs in der Familie. Berlin, 1987. S. 12 ff.

еще-недопережито». Выжить – это бесконечно далеко от того, что составляет полноту жизни. Ниже я рассматриваю эту взаимосвязь более подробно. Здесь я использую термины «жертва» и «переживший инцест» попеременно.

Отношения отца и дочери как «владение имуществом»

Наша культурная солидарность является основой для понимания инцеста отца и дочери. Важно внимательнее присмотреться к отцовской позиции силы в семье и вдуматься в первоначальное значение понятия «отец семейства» (*pater familias*). Однако это будет означать прощание с «мифом о дружной семье» как о милом сердцу убежище. Оказывается, именно семья является очагом насилия, как ни странно, защита и безопасность менее всего обеспечена в семье.

Сексуальная эксплуатация способствует социальной изоляции семьи. Семья – это не оазис нежности и уюта, как нам хотелось бы думать.

Разрешите напомнить вам, что слово «*familia*» первоначально означало людей, находящихся в собственности кого-либо. Семей, прежде всего, владели как имуществом, и ничто не указывало на родственные связи или происхождение, а напротив, подчеркивало власть и владение отношениями, установленными господином. Слово «*famel*» означало не больше, не меньше, а «раб», «*pater familias*» означало не отец семейства, а господин своих рабов. («Отец» означало не родителя, а царя или басилевса, то есть правителя.) Например, в римской и китайской семье патриархальное господство было особенно выраженным, и факты инцестов отца и дочери однозначно указывают, что мы недалеко ушли от тех времен.

Заповеди Талмуда, Библии и Корана стали основой обычая коммерческого брака детей. Выкуп женщины был своего рода торговлей между ее отцом и женихом. Дочь меняла только, так сказать, владельца, будто она была вещью. Совершенным брак становился только тогда, когда девушкой сексуально овладевали. В таком понимании изнасилование являлось не нарушением прав человека, но своего рода кражей имущества у того, кому девушка «принадлежала». В своей книге о сексуальной эксплуатации детей Флоренс Раш тщательно проанализировала эти традиции¹⁴.

Культурная антропология также очень подробно исследует происхождение и функции табу на инцест и в этом свете рассматривает женщину как предмет обмена. Вспоминаются работы Леви-Стросса, который определяет запрет на инцест как правило, которое заставляет отдать мать, сестру или дочь другому мужчине. Если женщина – собственность мужчины, то это правило – для мужчин, оно может быть нарушено лишь женщиной, так что нарушение табу является преступлением не против женщины, но против мужчины, которому женщина «принадлежит». Снова речь идет о преступлении против собственности.

На этом фоне становится особенно отчетливой специфика отношений отца и дочери, так как незамужняя дочь – женщина в семье, на которую не может претендовать никакой другой мужчина, кроме отца. Голландская феминистка Жозефина Рийнартс разработала эту тему в своих текстах. Незамужняя дочь принадлежит только отцу до тех пор, пока он не должен будет отдать ее другому мужчине, в то время как тетя и племянница недоступны, потому что принадлежат дяде, невестка и внучка – сыну, а мать – своему супругу.

Только незамужние дочери наряду с женой полностью находятся во власти отца, и он распоряжается ими по своему желанию. Это очень напоминает мне рассказ одной из женщин, переживших инцест, о том, как отец угрожал своей жене, которая хотела защитить от него дочь: «Погоди, прежде чем она выйдет замуж, я-таки поимею ее еще раз».

¹⁴ *Rush F. Das bestgehütete Geheimnis. Sexueller Kindesmissbrauch. Berlin, 1984*

Очень похожим образом Катерина Брэди описывает в своей книге реакцию отца на объявление о помолвке дочери:

«Наконец-то мой отец был готов оставить меня в покое. Теперь нашлось нечто поважнее его сексуальных потребностей: собственность, то есть тот факт, что я принадлежу другому мужчине. Это было нечто, что он мог понять и был очень этим рассержен»¹⁵.

Такие высказывания напоминают нам о крепостном статусе женщины, как это утверждает германское право и прусский государственный закон «сильной руки» (наименование руки в перчатке, держащей оружие), предоставляющий жен и дочерей в полное распоряжение отца¹⁶.

Женщина как собственность и предмет обмена, как объект, не имеющий права на самоопределение, – это не только история и устаревшее законодательство, но и болезненная, снова и снова переживаемая женщинами сегодняшняя реальность. Я также имею в виду порнографию, проституцию, похищение девочек/девушек и принудительные браки.

При взгляде на наших европейских соседей, например на Турцию, очевидно, что реформы Ататюрка 1926 г., официально предоставившие женщинам равные права и закрепившие это в гражданском законодательстве, не имеют ничего общего с жизненной реальностью. До замужества девушка абсолютно подчинена отцу, а после свадьбы – мужу, особенно это распространено в сельских районах. Целостность девственной плевы все еще определяет качество женщины как товара и ее ценность при обмене. При опросе в Стамбульском университете 97 % студентов сообщили, что они не женятся на девушке, если она не девственница; а германские гинекологи, у которых есть пациенты турецкого происхождения, точно знают, что сексуальность является не личным делом пациентки, а семейной темой. Целая плева, залог девственности, становится, таким образом, центральной проблемой гинекологической практики.

Врачи цюрихской гинекологической клиники сообщают, что многие турецкие мужья при беременности жены требуют определения пола плода и, если это девочка, настаивают на аборте. Аналогичная ситуация в Индии, и там существует «Форум против технологий определения пола» при участии правозащитных и женских организаций, а также организаций здравоохранения. В одной из статей 1988 г. в журнале «Шпигель» сообщается, что в Африке деловые интересы являются решающими при выборе супруга. Родители невесты «требуют скот или наличные за свою дочь. Если их дочь не может иметь детей или потеряла девственность до брака, родители должны вернуть уплаченное». В адвокатских конторах Баварии желающие вступить в брак подтверждают такой же возврат и обмен тайских девушек. Комиссионные составляют, по данным журналистов, около 10 000 немецких марок за женщину¹⁷.

Однако немецкие и швейцарские обычаи сватовства свидетельствуют о явно недостаточном самоопределении женщины и об отцовском владении ею. Молодой человек, который намеревается жениться, должен просить руки невесты у ее отца. Именно отец передает дочь другому мужчине.

Jus primae noctis – право первой ночи

Из средневековья к нам пришло так называемое господское право, привилегия помещика при замужестве женщины-подданной первым войти к ней во время брачной ночи. Несмотря на то, что это узаконенное «право» было очень спорным и претензии на девственность дочерей вассалов предьявлялись вопиюще часто, оно было прекращено сравнительно недавно и заме-

¹⁵ Brady K. *Father's Days*. New York, 1979. P. 100.

¹⁶ Ср.: Hartwig, Kuhlmann. S. 437.

¹⁷ Цит. по: Kuckuck A., Wohlers H. (Hrsg.). *Vaters Tochter*. Reinbek, 1988. S. 142.

нено уплатой так называемой «пошлины на девственность», «платы за сорочку» или «процентов за передник».

В некоторых странах этим «господином» был отец, который претендовал на девственность женщин в доме, используя свою сексуальную силу. К ним относились как дочери, так и жены его сыновей. У разных народов были описаны такие обычаи овладения дочерью или невесткой. При этом также ясно, что суть дела не в ритуале дефлорации, а в претензиях на власть и собственность.

Очевидна связь этого с обычаем, установленным в 398 г. Карфагенским советом и гласящим, что в первую брачную ночь необходимо воздерживаться и подарить ее Господу. Сохранилось название этой традиции – «Droit de Seigneur», или «право Господа (господина)». Я считаю, что первоначально у этого обычая был глубокий психологический смысл. Пожалуй, феномен *jus primæ noctis* (право первой ночи) – выродившаяся форма изначального обряда, при котором происходила дефлорация девушки жрецом как представителем божественной власти. У К. Г. Юнга описан вавилонский обычай, согласно которому молодые девушки должны были до замужества отдаться в святилище чужаку, которого они больше никогда не увидят. Таким образом, архетипическую сексуальную энергию можно было не проецировать на какого-то конкретного мужчину, так что женщины могли переживать сексуальность на двух уровнях – индивидуальном и трансперсональном.

2. Тема инцеста у Фрейда и Юнга

Истерия и *unio mystica*¹⁸

Инцест – это не только внутриспсихический конфликт, связанный с фантазиями, от которых необходима психическая защита, но и реальность. Женщины, которых я психологически сопровождала, утратили здоровье, потому что их действительно сексуально насиловали. Будучи убежденной в этом, я оказываюсь вне психоаналитической традиции.

Коллеги часто спрашивали меня, действительно ли я верю всему тому, что рассказывают мои клиентки, действительно ли я совершенно уверена, что этих женщин в детстве на самом деле соблазнили. Они склонны предполагать, что сексуального насилия в действительности не было, и это все – просто фантазии.

Нередко я лишь тихо улыбаюсь им в ответ, как же они обманываются насчет фантазий о желаниях моих пациенток. Женщины-терапевты, которые много работали со взрослыми женщинами, пережившими в детстве сексуальное насилие, испытывают то же самое. Поверить женщинам, признать их переживания подлинными – долго считалось проявлением некомпетентности и невежества в понимании невроза, потому что для Фрейда психическая реальность фантазии значила больше, чем физическая реальность. Утешало лишь то, что при получении образования мы узнали, что Фрейд сам однажды пошел по этому неверному пути. Он позволил себе заблуждаться относительно того, что истории о соблазнении, рассказанные его пациентами, вымышлены. Затем Фрейд все же заметил свою ошибку, но продолжил отказываться от своей первоначальной теории соблазнения, согласно которой истерия является результатом сексуальной травмы, пережитой в детстве, травмы сексуального соблазнения отцом.

В последние годы в целом ряде публикаций сделаны попытки обосновать и разъяснить скрытые причины его отказа от теории соблазнения. О Фрейде пошла дурная слава и одновременно – обо всем психоанализе. Алиса Миллер называет психоанализ «лабиринтом» и «видимостью терапии». Массон¹⁹ говорит о трусости Фрейда и отсутствии у него мужества встретиться лицом к лицу с неудобной теорией, а феминистки, такие как Флоренс Раш, осуждают его тактику избегания и «маскирующие» маневры. Я хотела бы вкратце обрисовать дискуссию вокруг этой теории, потому что фрейдовские идеи вышли за пределы профессиональных знаний и стали всеобщим достоянием.

Эдипов комплекс считается центром психоаналитической теории личности и учения о неврозах. В рамках этой теории инцест не означает реального полового акта между членами семьи, ничего такого, что происходит на самом деле, напротив, это всего лишь бессознательное влечение ребенка к родителю иного пола. Рассказы о сексуальных посягательствах якобы указывают не на реальное событие, за которое преступник должен быть привлечен к ответственности, а исключительно на фантазии пациенток, обнаруживающих эдипов комплекс дочери. Местом действия является внутренняя сцена, а не реальная семейная жизнь. Акцент смещается от отца-преступника на дочь-фантазерку, а отец становится жертвой ее фантазий.

Однако еще вечером 21 апреля 1896 г. у Фрейда было совершенно иное представление об отцах. А именно: он обвинял их в том, что они причиняют такой ущерб своим дочерям, что нарушают все аспекты дальнейшего существования этих женщин. В докладе, прочитанном тогда Фрейдом в Вене перед коллегами, было прямо сказано о сексуальном обольщении отцами. Еще больше об этом мы можем узнать из писем Фрейда: «К сожалению, мой собствен-

¹⁸ Мистический союз, брак (*лат.*).

¹⁹ *Masson J.* Was hat man dir, du armes Kind, getan? Sigmund Freuds Unterdrückung der Verführungstheorie. Reinbek, 1986.

ный отец был одним из таких извращенцев и виновен в истерии моего брата... и некоторых младших сестер».

Согласно более ранним исследованиям, он доверял сообщениям своих пациенток лишь в течение одного года (Массон показывает в своей книге, что на самом деле Фрейд намного дольше придерживался этой линии). В сентябре 1897 г. он уже отказался от перспективной, прозорливой теории соблазнения и заменил ее эдиповой теорией. Он предал оскорбленных женщин, больше не верил рассказанному ими и их воспоминаниям – и это до сих пор имеет далеко идущие последствия.

Сегодня обсуждаются три различных объяснения отказа Фрейда от убедительной теории соблазнения.

1. События вокруг пациентки Фрейда Эммы Экштайн и халатность его друга Флисса

Тут я лишь кратко скажу, что Эмма Экштайн была одной из первых пациенток Фрейда, считается, что ее история подтолкнула его к теме обольщения дочери отцом. Она страдала от истерических симптомов. Напомню, что в понимании Фрейда невротические расстройства имели, несомненно, сексуальное происхождение и что для него речь шла о том, как психика смещает симптом. Его лучший друг Флисс, напротив, предположил, что такое смещение бывает и физическим. Э. Экштайн страдала от менструальных болей, которые Фрейд увязывал с мастурбациями в детстве, а его друг как раз в это время написал очерк о причинно-следственной связи между носом и половыми органами, в котором хирургическое вмешательство в области носа было представлено как адекватное лечение болей при менструации. Таким образом, Фрейд согласился с тем, что Флисс сделает его пациентке такую операцию. Это была первая крупная операция в жизни Флисса. Эмма послужила, так сказать, «подопытным кроликом» для проверки туманных теоретических гипотез о смещении вагинальных проблем на область носа. Операция была катастрофически неудачной. Флисс оставил в ране полметра марли, из-за длительного носового кровотечения это привело к состоянию, опасному для жизни пациентки. Поначалу Фрейд был очень расстроен этой врачебной ошибкой, но позже стал объяснять длительное кровотечение из носа своей пациентки истерией. Он видел в кровотечении средство обольщения, чтобы удержать врача при себе. Интерпретируя таким образом, он защищал мужчину, Флисса, и не обращал должного внимания на женщину, Эмму Экштайн. Он не принимал всерьез симптомы, опасные для ее жизни, а лишь символически их толковал. Таким образом, эта женщина получила клеймо невероятной истерички, а ее описание обольщения отцом стали рассматривать только как продукт ее фантазии.

2. Нехватка гражданского мужества у Фрейда

Массон утверждает, что нарастающая изоляция Фрейда из-за его теории обольщения обескураживала его и не давала ему плыть «против течения» и обвинять уважаемых венских «отцов семейств».

3. Отношения Фрейда со своим отцом

Марианна Крюль в своей книге «Фрейд и его отец»²⁰ детально исследует его разворот к эдиповой теории. Она понимает переворот в его мышлении как защитный механизм, гарантирующий то, что Фрейд психологически не приблизится к реальным обстоятельствам своего собственного детства, что он сможет и дальше приукрашивать образ своего отца, которого он резко и тяжело обвинял в дружеских письмах к Флиссу.

²⁰ Krull M. Freud und sein Vater. München, 1979

В связи с похоронами своего отца Фрейд описывает сновидение, в котором ему дается поручение: «Кто-то просит закрыть ему глаз(а)». Фрейд указывает на двойственность этого высказывания, что здесь речь идет также о закрывании глаза в смысле недосмотра, игнорирования. По мнению Крюль, Фрейд как раз и «закрыв глаза» на теорию оболыщения. После смерти отца Фрейд оказался в глубоком кризисе, который он описывал как интеллектуальный паралич, проявившийся в неспособности писать. Это можно понимать и как запрет на размышления и написание работ об отцах-извращенцах.

Здесь я освещаю психоаналитические основания этой темы, потому что в сегодняшней судебной и терапевтической практике все еще обнаруживаются пережитки этих теорий. Существует и недоверие сообщениям детей о сексуальном насилии в семье, и аналогичные сомнения в достоверности рассказов взрослых, в том числе так называемых истерических пациентов.

Вот почему я хочу еще раз подчеркнуть: инцест – это реальная тяжелая травма. Фрейдовское понимание травмы на практике оказалось неверным. Современные исследования тяжелых травм, таких как Холокост, пытки и изнасилования, доказательно подтверждают, что за невротические симптомы отвечают не бессознательные фантазии, а реальные события, которые наносят ущерб психической организации личности и делают людей больными.

Психоаналитическая литература по теме инцеста опирается на фрейдовское учение. В центре мы видим эдипальную тематику, раскрываемую на примере отца, матери или дочери. Инцестуозное поведение отца рассматривается как неразрешенное эдипальное желание к его матери. Его жена, которую он отвергает, представляется негативным аспектом его матери, наказывающей его за сексуальное желание, в то время как дочь для него – любящий и удовлетворяющий аспект хорошей матери.

Психоаналитические трактовки отношения к дочерям кружат вокруг того, что было реальным в обнаруженном сценарии эдипова комплекса девушки. Мать могла ее слишком рано фрустрировать, так что она вынуждена была обратиться к отцу для удовлетворения оральных потребностей. Ранние депривации и зависть к пенису позже могли привести к развитию в сторону промискуитета. В этой модели мать играет роль отвергающей женщины, потому что она разочарована в своем отце. Она якобы проживает враждебность, возникающую из ее собственного нерешенного эдипова конфликта с отцом, в отношениях со своей дочерью. Помимо этих психоаналитических конструкций, есть и другое мнение, что при инцесте речь идет, в конечном счете, вовсе не о генитальной сексуальности, а об удовлетворении оральных потребностей раннего детского возраста.

Unio mystica

В аналитической психологии К. Г. Юнга нет такой темы, как реальный инцест. Юнг не занимался сексуальностью индивида и пренебрегал значением «семейных романов». Юнгу также предъявляют претензии, что «концепция сексуальности» у него «истончается до того, что больше уже невозможно понять, что собственно должно означать это слово (сексуальность)»²¹.

Однако в переписке Фрейда и Юнга толкование инцеста в рамках теории либидо занимает важное место. Предположение Юнга о духовном значении инцеста как символа, которое он делает в работе «Метаморфозы и символы либидо», стало одной из причин разрыва с Фрейдом. Он отказался от главенства исключительно сексуального либидо и тем самым противостоял фаллоцентрической позиции Фрейда. В своих воспоминаниях Юнг пишет, что в течение двух месяцев он не мог взять в руки перо, потому что знал, что его собственное мнение будет стоить ему дружбы с Фрейдом.

²¹ Цит. по: *Dehing J. Jung aus der Sicht der anderen // Analyt. Psychol.* 1987. 18. 4. S. 289.

Видимо, тема инцеста была комплексом как для Фрейда, так и для Юнга. Под «комплексом» в аналитической психологии понимают психический фактор, который эмоционально очень сильно заряжен. Любой комплекс обладает некоторой автономией и лишь частично доступен сознанию. Комплексы ведут себя как части личности, как «бесы», которые хотят сыграть с нами злую шутку. Источником комплекса, как правило, является травма, например, эмоциональный шок. По большей части, мы не осознаем наши комплексы, что дает им больше простора для отыгрывания вовне.

Выскажу некоторые соображения, которые привели меня к тому, чтобы обозначить юнгианское понимание инцеста как «обусловленное комплексом». Юнг очень ясно дает понять, что для него инцест означает личностную проблему лишь в «редчайших случаях». Вот почему его интерес направлен только на архетипические основы феномена инцеста. Случаи в практике он видит, в конечном счете, только как психопатологические проявления коллективной тематики.

Для Юнга это «*cum grano salis* не так уж важно... действительно ли произошла сексуальная травма или же это просто фантазия»²². В воспоминаниях он пишет: «Инцест и перверсии не были для меня какими-то примечательными новинками и не стоили особого объяснения. Они относились к криминалу, к такому черному осадку жизни, который портил мне благостную картину мира, они слишком ясно тыкали меня носом в уродство и бессмысленность человеческого существования»²³

²² Письмо Фрейду, 17.5.1912 // Briefwechsel Freud Jung. Zürich, 1976. S. 560.

²³ Jung C. G. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich, 1979. S. 170.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.